

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

АРТЕФАКТ
&
ДЕТЕКТИВ

Мария СПАССКАЯ

**Кукла крымского
мага**

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 71

Оформление серии *С. Курбатова*

Спасская, Мария.

С 71 Кукла крымского мага : роман / Мария Спасская. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-75440-3

Когда-то поэт Максимилиан Волошин нашел на берегу моря затейливый виноградный корень, вырезал из него черта и подарил влюбленной в него Лиле Дмитриевой. А потом выдумщик Макс превратил никому не известную Лилию в загадочную поэтессу Черубину де Габриак. И Лиля, поместившая деревянного беса на почетное место в своей петербургской квартире, поверила: он даровал ей талант слагать стихи... Прошло много лет, менялись поколения жильцов, но черт оставался на месте. До тех пор, пока в городе не появилась журналистка Женя Колесникова. Она пришла на похороны отца, которого ни разу не видела, и не сразу поняла, что попала в эпицентр странной и пугающей мистификации. Как вскоре выяснилось, на самом деле ее отец жив, а историю со своими похоронами он придумал, затеяв опасную интригу. Помимо воли в нее оказалась втянута и Женя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-75440-3

© Спасская М., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Обманите меня... но совсем, навсегда...
Чтоб не думать зачем, чтоб не помнить, когда...
Чтоб поверить обману свободно, без дум,
Чтоб за кем-то идти в темноте наобум
И не знать, кто пришел, кто глаза завязал...
Кто ведет лабиринтом неведомых зал,
Чье дыханье порою горит на щеке,
Кто сжимает мне руку так крепко в руке...
А очнувшись, увидеть лишь ночь да туман...
Обманите и сами поверьте в обман.

М. Волошин

Коты никогда не кричат просто так. Если кошачья душа взывает о помощи, значит, ей действительно плохо. Или наоборот, хорошо настолько, что хочется поделиться счастьем со всем миром. Персидский кот Кекс голосил благим матом. Я услышала его пронзительный вой еще на площадке первого этажа и, не дожидаясь лифта, взбежала по ступенькам, на ходу доставая из сумки ключи. Знакомый звон металла о замок заставил Кекса подбавить трагических ноток в переливчатые модуляции. Кот нетерпеливо стenal, выжидая, когда распахнется дверь, чтобы, взыв, как сирена, прыгнуть мне на руки. Орущий пушистый комок замолчал, успокаиваясь, и только тогда я услышала телефонный звонок. Стоящий у кровати аппарат буквально разрывался от перезвона, нервируя впечатлительное животное, испуганно заломившее уши у меня на руках.

— Кекс, что случилось? — Я потрепала кота по мягкой белой шерсти. — Ты никогда не боялся звонков.

Кот осуждающе взглянул на меня круглыми голубыми глазами и, спрыгнув на пол, отправился в ванную. А я шагнула в комнату и взяла телефонную трубку.

— Где ты ходишь? — Голос Василия звучал глухо и раздраженно. — Весь вечер тебе звоню, не могу дозвониться! Мобильник не берешь, к домашнему не подходишь!

Докучливая опека сводного брата начала меня раздражать уже давно. Теперь же, наложившись на усталость, вызвала неконтролируемый всплеск негативных эмоций. Дожила! Не могу пройтись вечером после работы, чтобы не вызвать недовольство родственника! Да, был у нас роман, но кратковременный и несерьезный. Василий мне очень помог в трудный момент, и я даже подумала, что люблю сына отчима. Но без него мне гораздо лучше, чем с ним, это факт. Сводный брат не хочет понять, что я — это я, а он — это он, цепляясь за обломки былого, как свалившийся в пропасть за чахлую травинку.

— Василий, что ты хотел? — сердито осведомилась я, даже не пытаюсь скрыть досаду, явственно прозвучавшую в голосе.

— Какого черта шляешься по ночам? — выдохнул мой собеседник. — Это опасно.

— Опасно что?

— Много моральных уродов в это время суток выползают из своих поганых нор. Но я не об этом. Отец собирается с Юриком на юг. Я и подумал — может, поедем с ними? Помнишь, как раньше, одной семьей? Правда, нет Марьяны...

Вот именно. Мамы больше нет. Так что одной семьей не получится. И вообще, ничего у нас с Василием не получится. После смерти матери я редко захожу к ним, хотя Юрик ни в чем не виноват. Но видеть маленького братика, которого моя мать любила гораздо сильнее меня, мне нестерпимо больно. Юрик родился от человека, которого мама любила всю свою жизнь, но это совсем другая история...

— Не думаю, что хочу ехать к морю, — вяло откликнулась я.

— А что ты хочешь?

— Спать.

— Ну и спи.

— Пока.

— Пока.

Я положила трубку, злясь на себя за то, что дала втянуть себя в эти странные отношения. Скидывая на ходу туфли, отправилась на кухню, по дороге убеждаясь, что коту было на что жаловаться. Пустая миска, валяющаяся рядом с кухонным столом, ясно давала понять, что Кекса нестерпимо одолевает жажда. И его де-

монстративный поход в ванную, по всей видимости, призван намекнуть на то, что котам необходима вода. Пушистый и белый, он стоял в стороне и с достоинством ждал, когда совесть заставит меня нагнуться, поднять миску и наполнить ее живительной влагой. Шумная струя ударила в раковину, и я подставила кошачью поилку. Звонок телефона задребезжал снова. Опять Василий! Должно быть, не наговорился! Набрав воды, я поставила полную миску в кошачий угол и, перешагнув через припавшего к ней Кекса, устремилась в комнату.

— Ну, что еще? — сердито выдохнула я.

— Женья? — Незнакомый мужской голос на том конце провода звучал бесстрастно и сухо. — Женья Колесникова?

— Да-а, это я.

Я и сама услышала растерянность, сквозившую в моем ответе, ибо не ожидала звонков от незнакомцев в столь позднее время.

— Отец умер.

— Какой отец? — опешила я, не понимая. — Кто говорит?

— Говорит Викентий Сирин, друг и сосед Мерцалова Максима Леонидовича, — проскрипела трубка. — Это имя тебе о чем-нибудь говорит?

Говорит. Именно это имя записано в моем свидетельстве о рождении в графе «отец».

— Максим умер вчера от сердечной недостаточности. Прямо в нашей коммуналке. Я обзваниваю родственников и знакомых. И тебе звоню, потому что ты дочь, и ближе тебя у него никого не было.

Умер. Отец. Максим Леонидович Мерцалов. Все люди смертны, вот и мой отец умер.

— Мне жаль.

Мне действительно жаль, хотя я не видела отца ни разу в жизни. Он оставил нас с Марьяной, как только я родилась. Больше двадцати лет назад вернулся к себе в Питер и ни разу не поинтересовался, как мы живем. Меня растили мама и бабушка, и в какой-то момент, когда у Марьяны было плохо с работой, мы продали московскую квартиру и перебрались сюда, в небольшой подмосковный городок. Мне очень повезло, что на пути Марьяны повстречался приличный человек, хоть и с ребенком, и взял маму замуж. Только поэтому я не росла безотцовщиной, хотя радоваться тут особенно нечему, ибо сводный братец Василий мне испортил в детстве немало крови. И до сих пор, как видите, продолжает портить.

— Приедешь на похороны?

А надо? Зачем я там нужна? Если при жизни не виделась, неужели после смерти отцу станет легче, если я приеду?

— Само собой. Диктуйте адрес.

Я взяла карандаш и под диктовку скрипучего голоса нацарапала питерский адрес покойного родителя на картонке от пачки сахара.

* * *

Позже, анализируя свой поступок, я снова и снова приходила к выводу, что всегда хотела знать, какой он, мой биологический отец. Именно это желание и заставило меня согласиться на странную авантюру с поездкой в Санкт-Петербург. И еще надежда обрести самостоятельность. Ведь если я самая близкая родственница, как уверяет Викентий Сирин, то, значит, и наследница. Возможно, что не единственная, но в любом случае что-то мне причитается по закону. И если продать квартиру в Лесном городке и присовокупить к ней папино наследство, то, возможно, я обоснуюсь в том же самом Питере, чтобы быть подальше от Василия с его невероятным занудством. Всю ночь, снедаемая любопытством, я сидела в Интернете, выискивая сведения о покойном. И папа не подвел. Стоило мне забить в поисковик «Максим Мерцалов», как «googl» услужливо выкинул множество фотографий привлекательного молоджавого мужчины с пронзительными синими глазами и мягко очерченным ртом. Длинные выющиеся

волосы с благородной сединой на некоторых картинках он собирал в хвост и тогда становился похож на молодого Марлона Брандо. Википедия извещала, что он холост, бездетен и, судя по списку влиятельных друзей и могущественных знакомых, невероятно общителен. В основном камера фотографа ловила Максима Леонидовича на пафосных презентациях, ибо трудился он в глянцевого журнала «Невский эстет» и вел колонку о мировых бестселлерах. Вездесущий Интернет выводил на экран изображения отца с известными писателями, у которых он брал интервью и о ком писал статьи. Рядом с отцом мелькали Чак Полланек, Ирвин Уэлш, Дэн Браун. Но больше всего снимков было сделано с популярными авторами детективов, нашими соотечественниками братом и сестрой Грефами, которых я не читала из принципа. Я всегда игнорирую раскрученных авторов, захваленных проплаченной прессой, предпочитая выискивать на прилавках книжных магазинов что-то свое. Грефы же были чуть ли не самыми растиражированными детективистами нашей страны. Яркая кокетливая блондинка Элла и невозмутимый бритый наголо Эд со связкой кулонов на шее и стальным взглядом прищуренных глаз позировали то в книжном магазине, то в ночном клубе, то на фоне подсвечен-

ного фонарями Адмиралтейства в центре их родного Питера. Мне стало понятно, в кого у меня тяга к журналистике, и из профессионального любопытства я ознакомилась со статьями отца, сделав вывод, что журналистом он был толковым. Интересно и обстоятельно отец рассказывал про детство Грефов, полное приключений и забавных случаев, описывал их бурную юность, которую близнецы провели, исследуя джунгли. Он был вхож в их плавающий дом, расположенный на яхте, описывал интерьеры и брал интервью у горничной и повара, рассказывающих о тайных пристрастиях своих хозяев. Снимал репортажи о поездках Грефов на сафари и отдыхе писателей на Гоа. Для меня, выросшей в провинциальном Лесном городке, эти истории показались такими увлекательными, что я в какой-то момент от души пожалела, что не познакомилась с отцом раньше.

Утро застало меня за решением проблемы Кекса. Кота следовало пристроить на время моего отсутствия так, чтобы животное не лишилось от горя рассудка и голоса, заодно не сведя с ума добрую душу, откликнувшуюся на мою нижайшую просьбу за ним присмотреть.

Соседка тетя Нина подходила на роль кошачьей кормилицы как нельзя лучше, и, сунув

Кекса в переноску, я прихватила миски и пакет с едой и отправилась в квартиру напротив бить челом. Отзывчивая старушка не отказала, согласившись приютить усатого страдальца. Провожаемая полными упрека кошачьими глазами, я двинулась в редакцию газеты «Городок», в которой работаю, и написала заявление об отпуске за свой счет.

— Жень, что случилось? — пристально взглянула на меня Людмила Викторовна, прочитав положенную перед ней бумагу.

— У меня скончался отец.

Я склонила голову и искоса посмотрела на начальницу.

— Андрей? — оторопела та.

Она говорила об отчине. Андрей возглавляет полицию Лесного городка, и весть о его смерти, несомненно, стала бы достоянием общественности в считанные минуты, и уж тем более не обошла бы стороной главного редактора центральной городской газеты.

— Скончался мой родной отец, — пояснила я. — Он жил в Петербурге.

Лицо главы «Городка» выразило невероятное облегчение.

— Бедная девочка, — жалостливо проговорила начальница, поглаживая меня по руке. — Недавно погибла мама, теперь вот отец...

Мама умерла этой зимой. Эта история до сих пор не дает мне покоя, и говорить об этом я пока не могу, но, обещаю, как только боль утихнет, я обязательно расскажу, как это произошло¹. И вообще, зря Людмила Викторовна со мною так. Жалеть меня нельзя категорически, а то я тоже начинаю себя жалеть. Я отвела глаза, стараясь, чтобы навернувшиеся слезы не вылились наружу.

— Ты хоть его знала?

— Нет, даже не видела. Думаю — может, не ехать?

Но Людмила Викторовна убежденно хлопнула ладонью по столу.

— Ну, нет, Жень! Нужно ехать! Ты, главное, не волнуйся и не торопись. И сразу выясни, как обстоят дела с наследством. А то знаешь, какие все сейчас умные! Так и норовят обмануть! Надо держать ухо востро. Можешь оставаться в Питере, сколько понадобится. И не беспокойся, твой материал сдаст в номер Галина. По-быстренькому введи ее в курс дела и можешь идти.

До обеда я передавала Галке недописанные статьи, затем вернулась домой, перекусила, побросала в сумку самое необходимое и выдвинулась в сторону Москвы.

¹ Подробнее читайте в романе Марии Спасской «Рокковой оберег Марины Цветаевой».

Поезд «Красная стрела» отправлялся с Ленинградского вокзала без пяти двенадцать ночи, но я приехала на Комсомольскую площадь за сорок минут до отхода поезда. Запарковалась на платной стоянке и пошла бродить по площади Трех вокзалов. Я высматривала работающие книжные магазины. Хотелось купить в дорогу почитать что-нибудь из Грефов, чтобы понять, про кого писал отец. Заметив вывеску «Книги», я устремилась к расцветченной яркими обложками витрине неподалеку от «Макдоналдса». Пересекла площадь, потянула на себя дверь и, звякнув колокольчиком над входом, оказалась в небольшом помещении круглосуточного магазина, от пола до потолка забитого всевозможной печатной продукцией. Огляделась по сторонам и принялась изучать выставленный на прилавке товар. Розовые обложки с томными красотками привлекали внимание к любовным романам, гоблины и тролли украшали издания в жанре фэнтези, но большая часть прилавка была отведена под интригующе оформленные детективы. Рядом со мной негромко переговаривались парень и девушка, так же, как и я, выбирающие, что бы почитать в дороге.

— Что тут думать, Грефов надо брать, — настойчиво убеждал парень.